

НОВЫЕ ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АРГЕНТИНЕ. Резюме

Марина Фаринетти

С 1983 года и по сегодняшний день политическое руководство Аргентины избирается демократическим путем, хотя и не обошлось без серьезных политических кризисов, пошатнувших власть ряда президентов. В 1989 году первый демократически избранный президент Рауль Альфонсин (лидер Гражданского радикального союза) раньше срока передал власть своему уже избранному к тому времени преемнику — перонисту Карлосу Менему. Страна переживала самый глубокий кризис с момента установления демократии, гиперинфляция достигла невиданного уровня (порядка 300% в месяц). Сравнимый по глубине кризис, вызванный ростом безработицы и обнищанием населения, наступил в конце 2001 года — его результатом стала отставка президента Фернандо де ла Руа (представителя Гражданского радикального союза). После этого и до прихода к власти следующего демократически избранного президента — перониста Нестора Кирхнера — на этом посту сменились четверо временно исполняющих обязанности глав государства (назначенных согласно правилам, предусмотренным Конституцией), каждый из которых был вынужден подать в отставку.

В течение всего этого периода коллективное гражданское действие играло важную роль в общественной и политической жизни Аргентины. В статье анализируются основные формы коллективного действия, связанного с проблемами труда в самом широком смысле слова, включая безработицу. Поскольку цель статьи — облегчить сравнение Аргентины с Россией (или любой другой страной), она написана в форме обзора, хотя анализируются и некоторые парадигматические примеры новых форм коллективного действия.

В концептуальном плане я заимствую у Чарльза Тилли понятие «репертуаров коллективного действия», которое может послужить основой для проведения сравнительного исследования. Согласно Тилли, активизация репертуара предполагает существование среди населения определенного набора рутинных практик и организационных сетей, а также опыта коллективного действия и, наконец, определенных критериев справедливости и представлений о собственных правах. Репертуар, как правило, вписывает социальное взаимодействие в устойчивые рамки, выступая одновременно как набор стратегий и культурное явление. В работе

также используется понятие «модульного действия», разработанное Сидни Тэрроу: речь идет о формах коллективного действия, используемого различными социальными группами в разных целях.

Тилли в своих работах рассматривает репертуары коллективного действия в долгосрочной перспективе, подчеркивая, что изменения в них происходят очень медленно. В центре моего внимания находятся изменения в репертуаре, произошедшие после падения военной диктатуры 1976–1983 годов. Общая гипотеза заключается в том, что преемственность репертуара коллективного действия в этот период была нарушена. Тем не менее я показываю, как в новой ситуации сохранились некоторые исторически сложившиеся способы такого действия. Анализируется центральная роль, которую в конфигурации исторически сложившегося репертуара коллективного действия сыграли вопросы труда.

Решающую роль в формировании современного аргентинского рабочего класса и становлении мощных профсоюзов сыграл перонизм. Связь между перонизмом и профсоюзным движением, с одной стороны, и отношения между государством и профсоюзами, с другой стороны, придали последним высокий уровень сплоченности и эффективности в трудовой борьбе. В этой ситуации действия профсоюзов всегда становились отправной точкой для собственно политической борьбы. 1970-е годы характеризовались высоким уровнем политизации и радикализации конфликтов и сопутствующего им коллективного действия, участники которого физически истреблялись военными.

В 1983 году Рауль Альфонсин, лидер Гражданского радикального союза, одержал победу над перонистами. Лейтмотивом его предвыборной кампании стали защита прав человека, правовое государство и демократия. Началась новая политическая эпоха, в ходе которой общество узнало о жестоких преступлениях военного правительства и жило надеждой на разрыв с авторитарным прошлым. Движение за права человека стало центральным агентом коллективного действия в первые годы демократии.

Одновременно перонисты освоились в новой для них роли политической оппозиции, включившись в профсоюзную борьбу. Профсоюзы оказались способными отстаивать требования и других частей общества, чему способствовала восходящая спираль гражданской активности и экономических кризисов. Они привели в действие привычный протестный репертуар: всеобщие, многоотраслевые и отраслевые забастовки, в ходе которых выдвигались экономические требования, разделяемые большей частью населения. Гиперинфляция привела к невиданному прежде обнищанию низших и средних классов. Широко обсуждаемые ограбления магазинов (главным образом продуктовых) ускорили отставку президента Альфонсина.

Перед правительством Менема встала задача обуздать инфляцию. С этой целью оно радикально изменило экономическую модель при помощи открытия и долларизации аргентинской экономики. В результате установился специфический союз правительства, выступающего под знаменем популизма, с течением экономической мысли, которому удалось превратиться в единомыслие, — неолиберализм. Экономические и политические изменения того времени сущест-

венно ограничили способность профсоюзов добиваться улучшений, они потеряли свое значение как носители трудовых и — шире — экономических требований.

Уменьшение роли государства (приватизация, уход из социальной сферы, сокращение числа государственных служащих) лишило социальной защищенности ранее интегрированные пласты общества. Профсоюзное движение раздробилось, а его база сократилась в результате деиндустриализации, безработицы и обнищания, которые в свою очередь стали ценой открытия и долларизации экономики.

Следует отметить, что, по большому счету, социальные науки в этот период обходили вниманием деятельность профсоюзов и обратились к изучению форм протеста, связанных со ступившим на сцену новым действующим лицом — движением пикетчиков.

Это было разрозненное, неорганизованное и разнородное движение безработных, которые перекрывали дороги во внутренних регионах страны. Обозначение «пикетчики» вполне соответствует классическим определениям этого термина, связанным с протестом и забастовками. Однако в данном случае оно имело «геодезический оттенок», поскольку было связано с точками, в которых при прокладывании трасс нефтедобывающими компаниями (а в этих регионах традиционно добывается нефть) в качестве ориентиров устанавливались колышки.

Пространством встречи различных форм протеста стали средства массовой информации. Со временем возникли организационные сети, способные координировать действия на общенациональном уровне. Решающий вклад в их развитие внесло включение в эти сети пикетного движения безработных большого Буэнос-Айреса. Там всплеск протеста в 2001 году сделал движение пикетчиков более видимым и придал ему новый импульс. Блокады дорог и улиц стали частью повседневной жизни горожан. Пикетчикам удавалось перекрывать одновременно все доступы к Буэнос-Айресу. Взаимодействие протестующих в рамках пикетов облекло коллективное действие в новые организационные формы, создало новые социальные сети и привело к разрыву с традиционными способами профсоюзного и политического действия. Исторически сложившийся репертуар коллективного действия, связанный с профсоюзным и перонистским движениями, был востребован движением безработных; аналогичную роль сыграли навыки, полученные в ходе процесса политизации и радикализации конфликтов в годы, предшествовавшие диктатуре.

К тому же в 1990-е годы в тех провинциях, на которых сильнее всего сказалась трансформация государственного сектора, произошли «социальные взрывы». Этим термином я обозначаю наиболее воинственные и насильственные из спонтанных всенародных протестных акций, имевших место в тот период во внутренних регионах страны. Если в случае с перекрытием дорог можно было говорить об организованном процессе и возникновении в ходе протестов надрегиональной коллективной идентичности, то в случае с «взрывами» об этом говорить не приходится. Напротив, их характерными чертами были локальный масштаб (они ограничивались столицами и рядом других населенных пунктов отдельных провинций) и непродолжительность. Они не стали следствием устойчивых общественных или политических движений со своими целями и идентичностью и не легли в основу таковых.

Тем не менее к декабрю 2001 года серия таких «взрывов» прокатилась по всей стране. Волна коллективных действий 2001 года воспроизводила некоторые из характерных черт провинциальных и локальных «взрывов»: спонтанность, всеобщность, отказ от политики. В течение трех дней во многих провинциях происходили грабежи и протестные акции, что продемонстрировало всему населению остроту продовольственного кризиса.

События в столице начались с волны ограблений продуктовых магазинов и супермаркетов в большом Буэнос-Айресе 19 декабря. За ней последовала активизация среднего класса в самом Буэнос-Айресе. В ответ на объявление осадного положения, при помощи которого ослабленное национальное правительство попыталось справиться с ситуацией, на улицу вышли толпы народа. Речь президента де ла Руа, в которой было сделано это объявление, транслировалась по национальным теле- и радиоканалам. По ее окончании люди спонтанно начали стучать кастрюлями по окнам, балконам и дверям своих квартир. Звон кастрюль передавался, заражая людей желанием выйти на улицу. В результате на перекрестках и площадях всех районов собрались люди. Все нарастающие толпы прошли большими проспектами к площади Конгресса и Майской площади, главным политическим местам города, где находятся Национальный конгресс и Дом правительства.

Массовый протест, начавшийся вечером 19 декабря в Буэнос-Айресе, был жестко подавлен полицией. Ответные действия начались утром 20-го и продолжались весь день, достигнув высокого уровня насилия и драматизма. В стране в результате волны ограблений и протестов погибло 28 человек. Общественная активизация и всеобщий хаос продолжались в обстановке крайней политической неопределенности. «Касероласос» — стучание кастрюлями — вошло в репертуар форм коллективного действия. Энергия взрыва придала новые силы и размах уже существовавшему движению пикетчиков и привела к возникновению районных ассамблей в разных кварталах основных городов, участники которых попытались взять политику в свои руки.

Обобщенно можно сказать, что с наступлением демократии в 1980-е годы после кровавого кошмара военной диктатуры возродилась общественная жизнь и коллективные действия. 1990-е годы — эпоха неолиберализма — создали крайне враждебный для коллективных действий контекст, но из недр этого времени произросли новые формы, вскоре показавшие свой мощный потенциал. В этом смысле можно использовать разработанное Тэрроу понятие «модульного действия». Пикеты, «касероласос» и «взрывы» стали теми методами, которыми сегодня оперируют любые социальные группы при проведении коллективных действий. Так, во время недавних сельских протестов «пикеты» на дорогах устроили фермеры, а в городах прошли «касероласос» в знак солидарности. Требования правосудия над общественно осуждаемыми уголовными преступлениями часто принимают форму «взрывов».

Что касается взаимоотношений между новыми формами протеста и «большой» политикой, то наблюдается разрыв между движением за трудовые права и перонизмом (как политической партией и коллективной идентичностью). Таким образом, эти формы коллективного действия утрачивают связь с дискурсом, кото-

рый раньше обеспечивал признанием и институциональной «родиной» рабочий класс. Между тем практики из традиционного репертуара стали культурной основой новых способов коллективного действия, особенно в случае с движением пикетчиков.

Не только перонисты — все политические деятели в ходе процессов, имевших место с 1983 года, отстранились от борьбы за материальные блага и права собственной социальной базы, в результате чего политика утратила идеологическое содержание. Провозглашенный во время социального взрыва 2001 года лозунг «Долой всех!» стал выражением этого разрыва.

Профсоюзное движение как форма коллективных действий вписывало проблемы труда в политическую сферу. Напротив, участники «взрывов» и блокад знакомились и узнавали друг о друге скорее через средства коммуникации, нежели в рамках какого-либо институционального оборота. Тем не менее движение пикетчиков оказалось весьма продуктивным с организационной точки зрения: оно стало посредником государственной социальной политики, в ряде случаев взяв на себя воплощение в жизнь программ социальной поддержки. Данное движение также привело к возникновению общественных организаций, способных на коллективные действия. «Взрывы», напротив, нарушили преемственность типов коллективного действия, однако и они прочно вошли в репертуар форм, к которым может прибегать народ для прямого осуществления своей власти и установления политических ограничений.

Перевод с испанского Михаила Габовича